

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ЭНДРЮ ПАЙПЕР

ДЕМОНОЛОГ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44
П12

Andrew Pyper
DEMONOLOGIST

© Andrew Pyper Enterprises Inc, 2013
This translation is published by arrangement
with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC.

Оформление серии *А. Саюкова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Пайпер, Эндрю.

П12 Демонолог / Эндрю Пайпер ; [пер. с англ.
И. Данилова]. — Москва : Эксмо, 2015. —
448 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-81203-5

Профессор Дэвид Аллман не верит ни в бога, ни в дьявола, хотя и посвятил всю жизнь изучению мифов и легенд о злых духах. Но его неверию пришлось пошатнуться, когда при обстоятельствах, которым невозможно найти рационального объяснения, исчезает его любимая дочь. Чтобы спасти ее, профессор отправляется в опасное путешествие по Америке — подлинной Америке, о существовании которой он до сих пор не подозревал: темной, прогнившей насквозь стране, где демоны безнаказанно играют судьбами людей. Что может противопоставить власти Зла одинокий человек, с ужасом обнаруживший, что все, о чем писали суеверные люди в древних книгах, — правда?..

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Данилов И., перевод на русский
язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81203-5

Посвящается Мод

Мы спим ли, бодрствуем — во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас; они дела
Господни созерцают и Ему
И днем, и ночью воздают хвалы.

Джон Милтон.
*Рай утраченный*¹

¹ Джон Милтон (1608—1674) — английский поэт, философ и политический деятель в период Английской буржуазной революции. Переводы его поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» на русский язык не слишком удачны. Начиная с названия: Адам и Ева рай отнюдь *не теряли*; они его *лишились*, они его *утратили*, когда Господь их изгнал, «выслал... из сада Едемского» (Быт. 3.23—24) за первородный грех. Следовательно, правильнее переводить названия как «Рай утраченный» и «Рай обретенный». Фамилию автора также правильнее переводить на русский как «Милтон», а не «Мильтон»: в английском языке нет мягкого «л». Стихи Милтона в тексте романа даны (с некоторыми изменениями в соответствии с текстом) в переводе А. Штейнберга. Цитаты из Библии — по синодальному каноническому переводу. Цитаты из других произведений — в интерпретации переводчика (*Здесь и далее — примеч. перев.*).

Прошлой ночью мне опять снился этот сон. Только это вовсе не сон. Я точно это знаю, потому что, когда он ко мне приходит, я еще не сплю.

Вот мой письменный стол. Карта на стене. Мягкие игрушки, с которыми я больше не играю, но не хочу засовывать их в шкаф, чтобы не обижать папу. Может быть, я уже в постели. А может, стою посреди комнаты, высматривая пропавший носок. А потом я исчезаю.

Сон на сей раз ничего мне не являет, не показывает. Он просто переносит меня отсюда ТУДА.

И я уже стою над огненной рекой. В голове — тысячи ос. Дерутся и гибнут внутри моего черепа, и их трупики скапливаются кучами позади моих глазных яблок. И жалят, и жалят.

Голос отца. Откуда-то из-за реки. Зовет меня по имени.

Никогда раньше не слышала, чтобы он звучал так отчаянно. Он так напуган, что не может этого скрыть, даже если попытается (а пытается он ВСЕГДА).

Мимо проплывает мертвое тело мальчика.

Лицом вниз. И я жду, когда его голова высунется наружу, продемонстрирует мне пустые дыры там, где

раньше были его глаза, что-нибудь скажет мне своими синими губами. Самое страшное заключается в том, что он может такое проделать. Но он просто проплывает мимо, подобно обломку дерева.

Я никогда раньше не бывала здесь, но знаю, что все это реальное.

Река — это граница между этим местом и другим местом. И я стою на неправильном берегу.

Позади меня стоит темный лес, но он совсем не то, чем кажется.

Я пытаюсь добраться туда, где отец. Мои ноги касаются реки, и она начинает петь от боли.

Потом чьи-то руки тянут меня назад. Тащат меня в лес, под сень деревьев. Судя по моим ощущениям, это руки мужчины, но это отнюдь не мужчина, тот, кто сует пальцы мне в рот. Ногти, что царапают мне горло. Кожа, что на вкус как грязь.

Но сразу перед этим, прежде чем я снова оказываюсь у себя в комнате с пропавшим носком в руке, я осознаю, что я только что звала отца — точно так же, как он звал меня. И говорила ему одно и то же, все время одно и то же. Не словами, не звуками, исходящими из моих уст и проходящими сквозь воздух, но словами из сердца, проходящими через землю, чтобы их могли слышать только мы двое:

НАЙДИ МЕНЯ!

Часть первая

НЕСОЗДАННАЯ НОЧЬ

Глава 1

Ряды лиц. Все моложе и моложе, с началом каждого нового учебного года. Конечно, это я сам становлюсь старше и выгляжу старым среди первокурсников, которые приходят и уходят, это всего лишь иллюзия, словно смотришь в зеркало заднего вида и видишь окружающий пейзаж, который уплывает назад, тогда как на самом деле это ты едешь прочь от него.

Эту лекцию я читаю достаточно давно, чтобы поиграть с разными мыслями вроде этих, пока вслух громко произношу слова, обращенные к паре сотен студентов. Настало время подвести некоторые итоги. Еще одна последняя попытка вбить в мозги хотя бы некоторым из этих сидящих передо мной и тыкающих в клавиши ноутбуков недоумков идею о величии и великолепии поэмы, которой я посвятил практически всю свою профессиональную деятельность.

— И здесь мы подходим к концу, — сообщаю я им и делаю паузу. Жду, когда их пальцы отрвутся от клавиатур. Делаю глубокий вдох, набираю полную грудь воздуха, наполняющего не слишком хорошо проветриваемый лекционный

зал, и ощущаю, как это всегда со мной бывает, опустошающую грусть, которая приходит при цитировании заключительных строк поэмы.

Они невольны

*Всплакнули — не надолго. Целый мир
Лежал пред ними, где жилье избрать
Им предстояло. Промыслом Творца
Ведомые, шагая тяжело,
Как странники, они рука в руке,
Эдем пересекая, побрели
Пустынную дорогою своей.*

Произнося эти слова, я почувствовал рядом присутствие собственной дочери. С самого момента ее рождения — и даже до этого, со времени, когда у меня возникла сама мысль о ребенке, которого мне однажды захочется иметь, — это именно ее, Тэсс, я неизменно и постоянно представляю себе выходящей из райского сада рука об руку со мной.

— Одиночество, — продолжаю я. — Именно к этому сводится в конечном итоге все это произведение. Не к борьбе добра со злом, не к кампании под лозунгом «Оправдать перед людьми пути Господни». Это самое убедительное доказательство, какое только у нас имеется — более убедительное, нежели любое другое в самой Библии, — что ад реально существует. Не как геенна огненная, не как некое место где-то внизу или наверху, но *в нас самих*, как нечто у нас в мозгу. Это нечто помогает нам понять самих себя и в конечном итоге выдержать, вынести, превозмочь по-

стоянное напоминание о нашем одиночестве. Быть отверженным. Странствовать везде одному. Что есть настоящий, реальный результат первородного греха? Индивидуализм! Эгоизм! *Вот* с чем сразу же сталкиваются наши бедняги новобрачные: они вроде как вместе, но в одиночестве своего самосознания и собственной застенчивости. И куда же им теперь брести? «Да куда угодно! — говорит змий. — Весь мир принадлежит им!» И тем не менее они осуждены выбирать свою собственную «пустынную дорогу». Это устрашающее, даже ужасающее путешествие. Но это именно то, что каждый из нас должен ясно видеть перед собой, сегодня точно так же, как тогда.

Здесь я снова делаю паузу, на сей раз более длинную. Настолько длинную, что я рискую быть неправильно понятым: студенты могут решить, что я уже закончил лекцию, и кто-то может встать или с грохотом захлопнуть крышку своего ноутбука, или закашлять. Но они никогда такого не делают.

— Спросите сами себя, — говорю я, покрепче сжимая руку воображаемой Тэсс. — Куда вы направитесь теперь, когда Эдем остался позади?

Почти сразу же вверх взлетает чья-то рука. Парнишка, сидящий в задних рядах, которого я никогда не вызывал, никогда даже не замечал до сегодняшнего дня.

— Да? — смотрю я ему в глаза.

— Этот вопрос будет на экзамене?

Меня зовут Дэвид Аллман. Я профессор кафедры английской литературы в Колумбийском

университете в Манхэттене, специалист по мифологии и иудео-христианским священным текстам, но моя настоящая специализация — книга, критическое исследование которой оправдывает мой пожизненный контракт преподавателя в Лиге плюща¹ и приглашения в разнообразные малоосмысленные академические тусовки по всему миру, — это поэма Милтона «Рай утраченный». Падшие ангелы, змий-искуситель, Адам и Ева, первородный грех. Эпическая поэма семнадцатого века, пересказывающая библейские сюжеты, но под весьма лукавым углом зрения, предполагающим, вероятно, даже сочувствие по отношению к Сатане, предводителю восставших ангелов, которому надоел сварливый авторитарный Бог и который порвал с Ним и бежал, чтобы сеять беды и несчастья среди людского племени.

Это довольно странный и забавный (люди набожные и благочестивые могут даже назвать его лицемерным) способ зарабатывать на жизнь: я всю жизнь занимаюсь тем, что преподаю вещи, в которые сам не верю. Атеист, изучающий библейские тексты. Эксперт по демонам, который уверен, что зло — порождение самого человека, его собственное изобретение. Я написал множество эссе о чудесах: об исцелении прокаженных, о превращении воды в вино, об экзорцизме, изгнании демонов, — но ни разу в жизни не видел ни единого фокуса, которому не нашлось бы ра-

¹ Лига плюща (*англ. The Ivy League*) — старейшие американские университеты, расположенные главным образом в восточных штатах, в Новой Англии.

зумного объяснения. Оправдание всем этим противоречиям заключается для меня в том, что на свете существуют некоторые вещи и понятия, которые имеют смысл — в культурном аспекте, — но не существуют в действительности. Дьявол. Ангелы. Рай. Ад. Это все — часть нашей жизни, пусть даже мы никогда их не видели, никогда к ним не прикасались, никогда не имели доказательств, что они реально существуют. Вещи и понятия, которые просто вбиты нам в мозги.

Ум в себе

Обрел свое пространство и создать

В себе из Рая — Ад и Рай из Ада

Он может.

Это Джон Милтон говорит устами Сатаны, это его самое великолепное произведение, самая блестящая выдумка. А я по воле судьбы верю, что этот старикан — вернее, *оба* этих старых моих приятеля — очень правильно это поняли и высказали.

Воздух над Морнингсайдом, кампусом Колумбийского университета, влажен, в нем прямо-таки висит обычное предэкзаменационное напряжение, и лишь легкий нью-йоркский дождичек немного разряжает и очищает атмосферу. Я только что закончил свою последнюю в весеннем семестре лекцию, и это событие, как всегда, приносит мне горько-сладкое чувство облегчения, осознание того, что еще один учеб-